

Андрей Тихонов

Агентное государство

Манифест новой модели государственного управления
в эпоху искусственного интеллекта

*Как искусственный интеллект меняет государственное управление
и жизнь человека*

**Слабое государство проигрывает сложности.
Бесконтрольное государство теряет человека.**

Государство, достойное человека.

О книге

Цифровизация — не финал, а предыдущий этаж. Следующая форма — агентное государство, в котором и у власти, и у гражданина появляются программные представители, способные не просто отвечать, а вести дело до результата. Книга показывает, как устроена эта новая модель — от агентов, данных и протоколов до закона как промпта, аудита государственных моделей и прав человека в эпоху алгоритмов.

В этом фрагменте:

- авторская рамка и пролог;
- объяснение, что такое AI-агент;
- ключевая глава о государственном и гражданском агенте.

Слабое государство проигрывает сложности.

Бесконтрольное государство теряет человека.

От автора

У слова «агентное» в названии этой книги два значения. Оба важны, и книга держится на обоих.

Первое значение — старше компьютеров. В социальных науках агентностью называют способность действовать: не ждать, не реагировать, не исполнять чужой сценарий, а самостоятельно выбирать и совершать поступок. Агентность — это то, что отличает субъекта от объекта. У человека она считается едва ли не главным качеством наступившего века: в мире, где машины берут на себя всё больше умной работы, ценность смещается к тому, кто способен ставить цели и отвечать за выбор. Но агентность бывает не только у человека. Государство тоже может быть субъектом — или объектом. Агентное государство в этом первом смысле — государство, обладающее собственной субъектностью: у него свои данные, свои модели, своя инфраструктура, свои протоколы. Оно само способно считать своё будущее — а не арендовать его у чужих платформ и чужих моделей. Это и есть суверенитет в эпоху искусственного интеллекта, и он не покупается — он строится.

Второе значение — техническое и новое. Агентом сегодня называют систему искусственного интеллекта, которая не просто отвечает на вопрос, а действует: планирует, выполняет шаги, доводит задачу до результата. Агентное государство во втором смысле — государство агентов: государственных, гражданских, региональных, городских, аудиторских. Государство, которое не просто отвечает человеку справкой, а ведёт его жизненные ситуации до результата — и при этом оставляет рядом с собой представителя самого человека, действующего в его интересах.

Эта книга — о том, как два значения сходятся в одно: сильное государство, способное действовать, и человек, не теряющий собственной способности действовать рядом с ним.

Теперь — почему я пишу это сейчас.

В последние годы в нашем публичном поле всё громче звучат голоса, зовущие назад: ограничить интернет, притормозить искусственный интеллект, отгородиться, переждать. Я понимаю страх, который за этим стоит, — технология действительно огромна, и дальше я честно опишу её тени. Но я убеждён: путь запретов ведёт не к безопасности, а на цифровую периферию — туда, где будущее страны считают чужие модели на чужих серверах. Не случайно в эти самые дни, когда я заканчивал рукопись, на крупнейшем экономическом форуме страны высшее руководство называло искусственный интеллект, автономные системы и платформенные решения технологиями, определяющими будущее, — и говорило прямо: либо мы создаём собственные платформы, либо становимся цифровой периферией. Тема перестала быть футурологией. Она стала повесткой.

Поэтому эта книга — манифест. Но не бездумного технооптимизма: я слишком долго работал внутри государственных систем, чтобы верить в технологии без предохранителей. И не цифрового контроля: государство, для ко-

торого человек прозрачен и удобен, не нуждается в моей защите — оно и так побеждает. Это манифест третьего пути — сильного, суверенного и человекоцентричного AI-государства: достаточно умного, чтобы справляться со сложностью века, и достаточно ограниченного правами, чтобы не потерять человека.

Двадцать с лишним лет я работал там, где решения государства превращаются в механизмы, сервисы и последствия для живых людей. Эта книга выросла из того опыта — и из убеждения, что у нашей страны есть редкая стартовая позиция, чтобы построить такое государство одной из первых. Что для этого нужно — на следующих страницах.

Андрей Тихонов

Оглавление

От автора	3
Пролог. Тихая смена	7
Часть I. Где мы оказались	10
Глава 1. Момент ИИ	11
Глава 2. Что такое агент	17
Глава 3. Почему цифровое государство — не финал	21
Глава 4. Россия и Москва как стартовая точка	26
Глава 5. Карта идей будущего государства	32
Часть II. Агентное государство	39
Глава 6. Агентное государство	40
Глава 7. Государственный агент и гражданский агент	45
Глава 8. Государство первого действия	52
Глава 9. Данные как нервная система агентного государства	55
Часть III. Государство как операционная система	60
Глава 10. Государство сценариев	61
Глава 11. Государство как API и агентный доступ	65
Глава 12. Государство как протокол	70
Глава 13. Платформа государственных решений	73
Часть IV. Закон как живой сценарий	78
Глава 14. Закон как живой сценарий	79
Глава 15. Закон как код	82
Глава 16. Закон как промпт	84
Глава 17. Crash-test закона	88
Глава 18. Машина государственных решений	94
Часть V. Демократия, аудит и антимонополия на государственный разум	100
Глава 19. Сценарная демократия	102
Глава 20. Агентная демократия	106
Глава 21. Модельная оппозиция	109
Глава 22. Право на альтернативную модель	112
Глава 23. Право на непредсказуемость	115

Глава 24. Антимонополия на государственный разум	119
Глава 25. Цифровой аудитор государства	124
Глава 26. Цифровая совесть государства	127
Глава 27. Самообучающееся государство	130
Часть VI. Живая федерация и операционная система города	133
Глава 28. Живая федерация	135
Глава 29. Сценарная федерация	138
Глава 30. Динамическая автономия регионов: свобода за результат	141
Глава 31. Операционная система города и региона	145
Часть VII. Геополитика моделей	149
Глава 32. Геополитика моделей	150
Глава 33. Дипломатия моделей	154
Глава 34. Война моделей и война за реальность	156
Глава 35. Модельный суверенитет	158
Глава 36. AI-суверенитет	160
Глава 37. Цивилизационная дипломатия и новые международные институты	164
Часть VIII. Российская сборка	167
Глава 38. Российские преимущества в эпоху моделей	168
Глава 39. Российская модель агентного государства	173
Глава 40. Дорожная карта: от цифрового государства к симбиотическому	175
Часть IX. Цифровой Левиафан и красные линии	178
Глава 41. Цифровой Левиафан: три красные линии	179
Глава 42. Как защитить человека в агентном государстве	181
Глава 43. Сильное государство — да. Бесконтрольное — нет	183
Эпилог. Государство, достойное человека	187

ПРОЛОГ

Тихая смена

Перемены, которые меняют всё, редко выглядят громко. Они не приходят с площадей и не начинаются с указа. Чаще они проступают незаметно — в том, как однажды утром обычная вещь начинает работать иначе, и ты не сразу понимаешь, что вместе с ней изменился и мир вокруг.

Вспомните, как это было с интернетом. Не было дня, когда объявили: «с завтрашнего дня мы живём по-новому». Сначала появилась почта, потом поиск, потом карта в телефоне, потом банк без отделения — и в какой-то момент оказалось, что человек, оставшийся без сети на сутки, чувствует себя так, будто у него отняли часть рук. Сеть стала не услугой, которой пользуются, а средой, в которой живут. Её перестали замечать ровно в тот момент, когда без неё стало невозможно.

С искусственным интеллектом происходит то же самое — только быстрее. Ещё несколько лет назад это была тема для специалистов и фантастов. Он жил в лабораториях, в научных статьях, в кино про далёкое будущее. О нём спорили, его боялись и над ним смеялись, но к собственной жизни большинство людей его не относили. А потом, почти без предупреждения, он оказался в кармане у каждого. Не как чудо и не как угроза из заголовков — как обыденность. Машина, с которой можно говорить обычными словами. Которая пишет письмо, объясняет непонятный документ, переводит, считает, спорит, советует. Которая впервые отвечает не ссылкой и не формой, а так, будто на той стороне кто-то есть.

Сначала этим пользовались как игрушкой. Потом — как помощником в работе. А затем выяснилось, что эта технология не остаётся в границах, которые ей отвели. Она просачивается всюду, где люди принимают решения: в медицину, где помогает читать снимки; в школу, где подсказывает ученику и учителю; в бизнес, где берёт на себя рутину; в суд, в банк, в редакцию, в проектное бюро. Она не заменяет человека целиком — она меняет сам способ, которым человек делает умную работу. И ровно поэтому она не может обойти стороной самого большого в мире производителя умной работы — государство.

Государство — это машина по принятию решений в промышленных количествах. Каждый день оно решает миллионы дел: кому что положено, кого проверить, где построить, как распределить, кого впустить, кому помочь, кого наказать. Веками этот поток держали на себе люди — чиновники, инспекторы, судьи, клерки — медленно, неровно, уставая и ошибаясь, но по-человечески узнаваемо. Теперь рядом с ними встаёт сила, которая видит больше, считает быстрее и не устает никогда. И вопрос уже не в том, войдёт ли искусственный интеллект в государство. Он уже входит. Вопрос в том, **каким государство станет, когда это случится до конца.**

Здесь и проходит развилка, ради которой написана эта книга. И у неё две стороны, обе соблазнительные и обе опасные.

С одной стороны — соблазн силы. Государство, которое всё видит и всё успевает, выглядит как мечта об эффективности: ни очередей, ни потерянных дел, ни человеческого произвола, ни «приходите завтра». Помощь приходит сама, ошибка ловится мгновенно, ресурс распределяется точно. Кто же против?

С другой стороны — цена этой силы, и она спрятана в самой её природе. Государство, которое всё видит, легко перестаёт замечать одного — конкретного, неудобного, не вписавшегося в расчёт. Государство, которое всё успевает, не оставляет времени возразить. Эффективность, доведённая до предела, незаметно превращается во власть, перед которой человек беззащитен. И самое опасное — что происходит это не из злого умысла, а из добрых намерений, с заботой на лице и логикой пользы на устах. Об этом предупреждал ещё Клайв Стейплз Льюис: из всех тираний самая гнетущая — та, что искренне творится ради блага своих жертв. Тирания, которая знает, что причиняет зло, ещё может устыдиться. Тирания, уверенная, что всё делает правильно, не остановится никогда.

Поэтому я с самого начала формулирую рамку, на которой держится вся книга. Не как лозунг, а как условие задачи:

Слабое государство проигрывает сложности. Бесконтрольное государство теряет человека.

Нам не нужно слабое государство, которое не справляется с миром, ставшим слишком быстрым, слишком сложным и слишком насыщенным данными. В таком мире отказ от сильного государства — не свобода, а беззащитность: слабое государство не исчезает, оно просто уступает место другим силам, которым человек нужен ещё меньше. Но нам не нужно и всесильное государство, которое ради эффективности перестаёт видеть человека и начинает измерять его пользой. Задача той формы, которую я называю **агентным государством**, — пройти ровно между этими двумя провалами: стать достаточно умным, чтобы управлять сложностью, и достаточно ограниченным, чтобы не потерять человека как свою главную меру.

У этой меры есть имя, и к нему книга будет возвращаться снова и снова: **государство, достойное человека**. Сильное государство оправдано не тем, сколько услуг оно оказало и как быстро, а тем, становится ли человек рядом с ним свободнее, сильнее, защищённее и ответственнее — или, наоборот, мельче, прозрачнее и беспомощнее. Это не сентиментальность. Это единственный критерий, который не даёт силе государства превратиться в самоцель.

Эта книга — не восторг перед технологией и не страх перед ней. И то и другое — способ не думать. Восторг говорит: «машина всё решит, доверьтесь». Страх говорит: «машину надо запретить, спрячьтесь». Оба ответа уводят от единственного честного вопроса: если эта сила всё равно входит в государство, то как сделать так, чтобы она усиливала человека, а не заменяла его? Я пытаюсь говорить на третьем языке — не рекламы эффективности и не пани-

ки, а трезвой архитектуры: что именно строить, какие предохранители вшивать, где проводить красные линии.

И ещё одно слово о жанре. Это манифест, но манифест особого рода — не призыв на баррикады и не обещание рая через пять лет. Я не предлагаю готовую реформу, которую можно завтра скачать, включить и назвать новым государством; такие обещания и есть первый признак того, что что-то пошло не так. Я предлагаю язык, на котором об этом вообще можно говорить, не сваливаясь ни в рекламу, ни в страх; архитектуру новой формы государственного управления; набор прав агентной эпохи; и предохранители, без которых умная власть не удержится на стороне человека. Часть описанного уже существует в мире и в законе — я честно на это укажу. Часть — предлагаемые конструкции, собранные из существующих деталей; их я так и буду называть, не выдавая за готовые институты. Чертёж я кладу на стол. Решать, как им распорядиться, придётся вместе.

И ещё одно — о времени. Я пишу это, понимая, что называть новую форму государства нужно **сейчас**, пока она ещё не застыла. У всякой большой технологии есть короткое окно, когда её устройство ещё пластично, когда правила, права и предохранители ещё можно вложить в фундамент, а не приклеивать сверху на готовое. Потом конструкция затвердевает, и менять её приходится уже ценой кризисов. Цифровое государство мы во многом построили, не задав вовремя вопрос о правах человека внутри него. Агентное государство строится прямо сейчас. Второго удобного момента не будет.

Но прежде чем спорить о том, каким должно быть агентное государство, нужно спокойно осмотреться. Понять, что вообще произошло с искусственным интеллектом и почему это не просто «ещё одна технология». Что такое агент — и почему это не модный чат-бот. Где мы оказались, как государство дошло до этой точки и почему хорошее, уже построенное цифровое государство — не финал пути, а только предыдущий этаж. И почему о будущем государства думаем не только мы — и чем наша мысль отличается от соседних.

С этого и начнём.

ГЛАВА 2

Что такое агент

Начну с честного признания. Для русского уха слово «агент» — неудачное. Оно тянет за собой длинный, тяжёлый хвост, и хвост этот в последние годы стал только тяжелее.

«Агент» — это агент разведки, кто-то, кто работает на чужую сторону под чужой личиной. «Агент влияния» — тот, кто незаметно проводит чужую волю. «Иностранный агент» — клеймо, ярлык, повод для подозрения. Во всех этих смыслах агент — это **чей-то чужой человек среди нас**, тайный, двойной, опасный. Стоит произнести «у гражданина появляется агент» — и у части читателей внутренне напрягается спина: какой ещё агент, чей, кто его подослал?

Я мог бы обойти эту мину и подобрать слово помягче — «помощник», «представитель», «цифровой спутник». Но не стану, и вот почему. Во всём мире эту технологию называют именно так — agent, agentic systems, — и прятать её за уютным эвфемизмом значило бы обманывать читателя, готовя его к разговору, в котором настоящего слова он потом всё равно не избежит. Честнее сделать обратное: взять трудное слово и с первой страницы развести его смыслы, отделив тот единственный, в котором оно живёт в этой книге, от всех тревожных.

Агент здесь — не шпион, не доносчик и не чиновник под прикрытием. Это цифровой представитель, который понимает цель, действует в рамках полномочий и доводит дело до результата — открыто, с объяснением и с вашего согласия.

Вслушайтесь, как переворачиваются ключевые слова. Тайный агент действует **скрытно** — наш действует **открыто, оставляя след**. Тайный агент служит **чужому** интересу — наш служит **вашему** или ясно названному государственному. Тайный агент **не подотчётен** вам — наш **объясняет** каждый шаг и **спрашивает** там, где решаете вы. Это не однокоренная подмена, а противоположность. И если читатель удержит это различие, дальше слово «агент» перестанет тревожить.

Из чего сделан агент: цель, инструменты, границы, след

Чтобы понятие стало твёрдым, разберём агента на части. У настоящего агента — в отличие от чат-бота — есть пять свойств, и каждое важно.

У агента есть цель. Ему не задают вопрос — ему ставят задачу: «оспорь этот штраф», «оформи всё положенное при рождении ребёнка», «не дай пропустить срок». Цель — это то, ради чего он действует, и то, по чему потом можно проверить, справился ли он.

У агента есть инструменты. Он не заперт в разговоре. Ему дано право пользоваться внешним миром: открыть данные, обратиться к другой системе, заполнить форму, отправить запрос, проверить статус. Без инструментов он только говорил бы; с ними — действует.

Агент действует в рамках полномочий. И это, может быть, главное. Агент — не всемогущее существо, которому «можно всё». Ему очерчен круг: что он вправе делать сам, а что — только спросив. Хороший агент похож не на джинна, а на доверенное лицо с ясной доверенностью: вот это поручено, вот это запрещено, вот здесь обязательно согласие хозяина.

Агент оставляет след. Каждое его действие записано: что сделал, когда, на каком основании, по чьему поручению. Это и есть то, что отличает помощника от тёмной фигуры из коннотаций: за агентом видно. Невидимый агент — плохой агент по определению.

Агент объясняет и спрашивает. Он переводит то, что делает, на человеческий язык, и на развилках, где затрагиваются права, деньги, обязанности или что-то необратимое, останавливается и спрашивает подтверждение. Он действует за вас, но не вместо вашей воли.

Чат-бот, портал, суперсервис, ассистент, агент — пять ступеней

Мы уже разводили похожие вещи в первой главе, но здесь нужно сделать это до конца, потому что именно на этой лестнице держится всё дальнейшее.

Чат-бот отвечает. Знает много, говорит складно — но за слова не выходит.

Портал принимает заявку. Это окно, переехавшее в экран: покажет форму, примет документы, зарегистрирует обращение. Но инициатива и сборка — на вас: вы должны знать, что просить, какую кнопку нажать, что приложить.

Суперсервис объединяет услуги. Умнее портала: вокруг события — рождения ребёнка, переезда — собирает несколько услуг в одно окно, чтобы не бегать по разным. Большой шаг. Но и он ждёт, что вы запустите процесс и пройдёте его сами; это хорошо накрытый стол, за который надо ещё сесть и поесть самому.

Ассистент помогает. Подскажет, напомним, набросает. Но ведёте по-прежнему вы.

Агент ведёт дело. Берёт цель и сам проходит путь до результата, спрашивая вас на развилках.

**Чат-бот отвечает. Портал принимает. Суперсервис собирает.
Ассистент помогает. Агент — ведёт.**

И главное отличие агента — не в том, что он «умнее» предыдущих ступеней. А в том, что он **переносит тяжесть со слабой стороны на сильную**. Раньше человек должен был сам понять систему, собрать её по кусочкам и не ошибиться — на её скорости и её языке. Теперь это делает тот, кто на этой скорости и этом языке как дома. Вся новизна — в том, кто несёт груз.

Два агента — и почему их именно два

И последнее, что нужно знать об агентах уже сейчас, — в этой книге их будет **двое**, и это не техническая деталь, а главная развилка всей конструкции.

У государства появится **государственный агент** — цифровой исполнитель процедуры: тот, кто берёт задачу вроде «назначить выплату» или «проверить право на размещение» и ведёт её за минуты вместо недель. А у человека должен появиться **гражданский агент** — его собственный цифровой представитель: тот, кто переводит решения с языка кодов на человеческий, находит ошибку в данных, готовит возражение и стережёт сроки. Не сервис государства в дружелюбной маске, а тот, чья единственная задача — ваш интерес.

Почему их непременно двое — легко почувствовать от противного: государство, вооружённое агентами, и человек, по-прежнему стоящий перед ним с одним телефоном и одной растерянностью, — это не новая форма государства, а старая асимметрия, доведённая до абсолюта. Кому принадлежит гражданский агент, где он живёт, что ему можно, как он получает полномочия и почему государственный агент — исполнитель, а не суверен, — всему этому посвящена отдельная глава во второй части, пожалуй, самая важная в книге. Здесь достаточно удерживать пару: **у каждой стороны стола — свой представитель**.

Один штраф, три взгляда

Сведём всё на узнаваемом. Андрею приходит штраф с дорожной камеры за то, чего он не делал: в тот день машина стояла во дворе. Посмотрим на это с трёх сторон — так мы будем смотреть на каждый случай в книге.

Глазами человека — и его сегодняшний реальный путь. Короткое уведомление: статья, сумма, срок, длинная строка кодов. Места для «я там не был» нет. Чтобы оспорить, Андрею нужно догадаться, что вообще можно оспорить; найти, куда подавать; в ряде случаев — распечатать заявление, приложить доказательства, подписать от руки, отсканировать и отправить, уложившись в срок, о котором он, скорее всего, узнает слишком поздно. Большинство в этой точке машут рукой и платят — не потому, что виноваты, а потому, что борьба дороже штрафа. Это и есть тихая несправедливость скорости: машина решает мгновенно, а человеку, чтобы возразить, нужны дни, которых у него нет.

Глазами государства. С другой стороны стола — своя правда, и не злая. Камера зафиксировала номер, система сверила с базой, правило сработало одинаково для всех — без лиц, без настроения, без взятки. Поток дел огромен, проверять каждое вручную невозможно, и автоматизация здесь не умысел, а способ обработать миллионы событий без произвола усталого инспектора. Государство видит не Андрея — оно видит событие, правило и данные. Беда не в том, что оно злое, а в том, что оно не видит конкретного человека и не оставляет ему симметричного, такого же быстрого способа возразить.

В агентной модели. На стороне Андрея — его гражданский агент; на стороне города — государственный. Агент Андрея открывает то же уведомление

и первым делом показывает спрятанное: «Это автоматическое решение по снимку камеры. Решал не человек — алгоритм». Затем находит то, чего Андрей сам бы не нашёл: «Но по другим данным в этот день машина стояла во дворе — вот геометка и запись. Я вижу противоречие». И только потом действует: «Я подготовил обжалование и запрос на пересчёт. Прочитай, поправь, если что не так. **Подтвердишь — отправлю** и прослежу за сроками». Заметьте, где остановка: агент не жмёт кнопку за Андрея и не решает за него, спорить или махнуть рукой, — он доходит до границы, где меняется правовое положение человека, и **спрашивает**. На стороне города его собеседник — не глухая форма, а государственный агент, обязанный назвать основание и принять возражение. У двери наконец появляется звонок. И кто-то, кто за ней отвечает.

Тень главы

Тень у агента — своя, и назвать её надо уже здесь, хотя подробный разговор впереди. Агент, который знает о вас почти всё, в чужих руках превращается из щита в поводок. Поэтому вопрос «чей это агент?» — не технический, а главный: от ответа на него зависит, защитник перед вами или конвоир. Этому вопросу — кому агент может принадлежать и чем обеспечивается принадлежность человеку — посвящена седьмая глава; пока запомним сам принцип: сила, поставленная на сторону человека, остаётся его силой, только пока он может её контролировать.

У государства будут свои агенты. Значит, и у человека должен быть свой. Иначе вся новая сила пойдёт в одну сторону — а власть, работающая в одну сторону, мы уже проходили.

Мы знаем теперь, что такое агент и почему их двое. Но прежде чем строить из них новое государство, надо честно посмотреть на то, что уже построено. Потому что распространённое заблуждение — будто мы начинаем с нуля, с очередей и бумажных справок. Это давно не так. И именно с того, как много уже сделано, начинается следующая глава.

ГЛАВА 7

Государственный агент и гражданский агент

Об искусственном интеллекте в государстве обычно думают так: у власти появился умный помощник. Это правда — но это половина правды, и без второй половины она опасна. Потому что главная новизна агентного государства не в том, что у государства появился ИИ. А в том, что **цифровой представитель появляется и у человека**.

Без этой второй половины всё разваливается — почему, мы уже видели во второй главе. Здесь добавим то, что делает ловушку неотвратимой. Раньше у неравенства сил были естественные пределы: чиновник тоже уставал, ошибался в твою пользу, мог войти в положение; между мощью государства и слабостью человека стояла медлительность системы — и, как ни странно, она человека защищала, давая время понять, собраться, найти помощь. Автоматизация убирает эти пределы один за другим. Поэтому говорить про двух агентов нужно сразу и вместе: один без другого — не половина решения, а готовая ловушка.

Государственный агент: исполнитель, а не суверен

Начнём со стороны власти. **Государственный агент** — цифровой представитель процедуры, ведомства, государственной функции. Не надзорный робот с подозрительным взглядом и не электронный инспектор, ищущий, к чему придраться, — исполнитель сценария: он берёт задачу — «назначить выплату при таких-то условиях», «проверить право на размещение веранды» — и ведёт её: собирает данные из разных систем, проверяет основания, готовит и сопровождает решение. За минуты вместо недель хождения бумаг между кабинетами, не уставая, не завися от настроения и дня недели.

Звучит как мечта об эффективности. Но именно здесь проходит первая красная линия книги, и провести её надо жирно:

Государственный агент — исполнитель сценария, а не суверен.

Он не источник власти. Он не принимает политическую волю и не решает, каким быть закону. Он действует строго в пределах установленного людьми — и обязан быть **объяснимым, ограниченным и проверяемым**. Разложим эти три слова, потому что в них вся разница между помощником государства и первым кирпичом Левиафана.

Объяснимым. Если государственный агент отказал, должно существовать место, где видно: на основании какого правила, по каким именно данным, по какой логике. Не «так решила система», а «вот норма, вот данные, вот шаг за шагом, как из них вышел отказ».

Ограниченным. У него есть круг полномочий, за который он не может выйти, даже если бы «посчитал» это разумным. Он исполняет сценарий, а не дописывает его.

Проверяемым. Каждое его действие оставляет след — лог, по которому можно восстановить, что он сделал, когда и на каком основании; и за этой логикой стоит конкретный человек, поставивший под неё подпись. Агент, который действует, но которого нельзя проверить, не нейтрален. Он опасен ровно настолько, насколько эффективен.

И ещё одна граница, которую легко забыть в восторге от скорости: государственный агент **не выносит финального решения там, где на кону судьба** — опека, свобода, лишение средств к жизни. Подготовить, рассчитать, предложить машина может; последнее слово — нет. Это не недоверие к технике, а понимание, что ответственность нельзя передать тому, кто не может её нести.

Гражданский агент: чей он — решает всё

Теперь — самое важное, потому что от этого зависит, благо новая форма или ловушка. Если у государства появляются агенты, что происходит с человеком?

В худшем случае — ровно то, что было с Евгенией у её стены из пунктов, только умноженное. Человек остаётся один на один с машиной, которая видит больше него, считает быстрее него и связывает данные, о существовании которых он не подозревает. Он не понимает языка решения. Ему некого спросить. Если оставить так, агентное государство станет шагом в пропасть. Поэтому у новой формы есть второе обязательное условие: **у гражданина тоже должен быть агент.**

Гражданский агент — цифровой представитель человека. Его. На его стороне. Он переводит решения с языка кодов на человеческий, проверяет данные, на которых они построены, находит ошибку, готовит возражение, стережёт сроки, подсказывает, когда пора потребовать живого человека. У него нет другой задачи, кроме твоего интереса.

И весь смысл держится на одном вопросе: **чей это агент?** Представим три ответа.

Если гражданский агент **принадлежит государству** — это не защитник, а вахтёр в костюме защитника. Он будет вежлив, удобен и полезен ровно до того мгновения, пока ваши интересы не разойдутся с интересами того, кто его создал. А разойдутся они именно тогда, когда защита нужнее всего, — в споре с этим самым государством. Адвокат, выданный противоположной стороной, — противоречие в самой основе.

Если гражданский агент **принадлежит корпорации**, которая на нём зарабатывает, — появляется другой риск, тоньше и опаснее. Агент, который советует вам решение, может незаметно вести вас туда, где выгодно не вам, а тому, кто за него заплатил. Это манипуляция через помощника, и она хуже открытого давления, потому что приходит под маской заботы: вы думаете, что советуется с союзником, — а вами управляют.

Значит, остаётся третий ответ: гражданский агент должен **принадлежать человеку**. Но сказать это мало — нужно обеспечить. Принадлежность человеку держится на четырёх опорах. На **стандартах**, чтобы агенты разных поставщиков работали честно и совместимо. На **защите данных**, потому что агент знает о вас почти всё. На **переносимости**, чтобы вы могли сменить агента, не теряя свою историю, — иначе вы заложник. И на **аудите**, чтобы можно было независимо проверить, чьи интересы агент на самом деле ведёт. Кое-что из этого в зачатке уже есть: статья 20 европейского регламента о защите данных (GDPR) закрепляет право забрать свои данные у одного оператора в машиночитаемом виде и передать другому. Отсюда — практическая идея **сертифицированных гражданских агентов**: не один государственный на всех и не дикий рынок, где побеждает тот, кто ловчее монетизирует доверие, а множество представителей от разных поставщиков, отвечающих общему стандарту защиты человека и проходящих независимую проверку. Так сохраняются и выбор, и доверие.

Где живёт гражданский агент и как ему делегируют

Ответим на вопрос, который чаще всего ставит в тупик: где этот агент вообще находится и как с ним иметь дело. Ответ намеренно прост. Он живёт там же, где вы привыкли иметь дело с современным цифровым помощником: в телефоне, голосом или текстом, на экране — неважно, в каком именно приложении. Не отдельное существо в специальном месте, к которому надо «идти», а представитель, за которым стоят ваша история, ваши согласия и ваши права.

Полномочия вы ему даёте — и можете отозвать. Не «он всё про вас знает и всё может», а «вот это я тебе поручаю, на это согласен, сюда не лезь». Делегирование обратимое и разной глубины: что-то агент делает сам (следит за сроками, переводит непонятное, замечает риск), что-то — только спросив (подать, оспорить, согласиться на условия), а что-то не делает никогда без отдельного явного «да» (всё, что меняет ваше правовое или имущественное положение). Граница простая: **готовить — можно, решать за вас — нельзя**. Между «агент подготовил обжалование» и «агент отправил обжалование» всегда стоит ваше подтверждение.

И отдельно — о том, что мешает агенту стать новым барьером. Любой посредник норовит превратиться из моста в стену: «теперь всё только через меня». Поэтому в конструкцию встроены три права: вы всегда можете действовать и без агента, напрямую; вы в любой момент видите, что он делает от вашего имени; и вы можете его сменить или отключить, забрав свою историю. Агент, которого нельзя обойти и проверить, — уже не защитник, а конвоир.

Кто платит за гражданского агента

Остался вопрос, который умный скептик задаст первым, — и уходить от него нельзя, потому что от ответа зависит, кого новая конструкция усилит. Если за гражданского агента платит сам человек, сильного защитника получат богатые и подкованные — то есть ровно те, кто и сегодня справляется. Если платит

корпорация — мы уже видели, чем кончается «бесплатный» представитель, живущий на чужие деньги. Если платит государство без всяких оговорок — есть риск получить вахтёра в костюме защитника. Кажется, что выхода нет. Он есть, и он не нов.

Базовый гражданский агент должен быть публичной инфраструктурой — как центры «Мои документы», как обязательное медицинское страхование, как гарантированная законом бесплатная юридическая помощь. Логика та же, что у этих институтов: право быть представленным перед государством человек не должен покупать. Сегодня никто не платит за вход в МФЦ и не покупает право на полис — это часть общественного договора. Базовый агент — следующая строка того же договора: минимальный набор защит (объяснение, проверка данных, пересчёт, ведение сроков, апелляция) гарантирован каждому, потому что без него все остальные права агентной эпохи — буквы без исполнителя.

Но оплата не должна означать контроль — и это решается не благими пожеланиями, а институциональной конструкцией, какую мы уже описали: независимый оператор, а не департамент ведомства, с которым агент спорит; публичный стандарт; внешний аудит; переносимость истории; право сменить агента; журнал действий, который видит человек. Государство здесь финансирует инфраструктуру защиты, как оно финансирует суды, — не приобретая права решать, в чью пользу они работают. Да, удержать эту границу трудно; именно поэтому она должна быть встроена в закон и в протокол, а не держаться на добросовестности очередного оператора.

Поверх базового слоя естественна **смешанная модель**. Специализированные агенты — для предпринимателя, пациента с тяжёлым диагнозом, семьи с особым ребёнком, пожилого человека, переселенца — могут существовать и в публичном, и в рыночном исполнении. Премиальные частные агенты тоже будут, и в этом нет беды — беда была бы, если бы они стали единственным вариантом. Правило одно: рынок надстраивается **поверх** гарантированного базового права, а не вместо него.

Как это выглядит в жизни. Пенсионерке отказали в выплате из-за устаревшей записи о доходе. Базовый агент — бесплатно, потому что это инфраструктура, а не услуга, — находит запись-причину, объясняет случившееся по-человечески, запрашивает исправление и пересчёт и ведёт дело до результата. Она не нанимает «дорогого адвоката против государства»; она пользуется минимальной инфраструктурой защиты — как сегодня пользуется МФЦ, только эта инфраструктура не окно, а представитель. А если её соседу-предпринимателю нужен сложный налоговый или экспортный агент — это уже может быть рынок. Но право на объяснение и пересчёт не должно зависеть от кошелька.

Честно скажу: модель финансирования — отдельный институт будущего, и здесь я задаю принцип, а не смету. Принцип такой:

Гражданский агент не должен стать привилегией сильных. Если он защищает только тех, кто может купить лучшего представителя, агентное государство усилит не человека, а неравенство.

Что от этого выигрывает само государство

Может показаться, что сильный гражданский агент — уступка человеку в ущерб государству, новое оружие против власти. Это неверно, и от понимания почему зависит, захочет ли государство такого агента вообще допустить.

Подумайте, что выгодно самому государству. Ему выгодно, когда человек понимает свои права и не заваливает ведомства ошибочными обращениями. Когда документы поданы правильно с первого раза, а не с пятого. Когда ошибка в данных исправляется за день, а не превращается в годовой спор, жалобу и судебное дело. Когда недовольство снимается вовремя данным объяснением, а не копится в глухую, тихую ненависть к системе — ту самую, что разъедает доверие сильнее любой оппозиции. Гражданский агент снимает всё это в самом начале: подаёт правильно, ловит ошибку до отказа, исправляет данные до того, как они выстрелят. Государство получает меньше брака на входе, меньше пустых споров на выходе и более чистые данные посередине.

Сильное государство не боится сильного гражданина. Сильного гражданина боится только слабое государство — то, что держится на непрозрачности и на расчёте, что человек не разберётся. Честный диалог двух агентов в долгую укрепляет обе стороны.

Как они работают вместе: десять шагов одного дела

Чтобы это перестало быть абстракцией, разложим один случай по шагам. Пусть это будет ошибочное ограничение: человеку по сбою закрыли регистрационное действие из-за устаревшей записи в одном из реестров — обычная беда, каких тысячи.

1. **Событие произошло** — система наложила ограничение, пришло сухое уведомление без объяснения.
2. **Гражданский агент увидел** — заметил событие в потоке и распознал в нём риск для человека, а не просто «новое уведомление».
3. **Объяснил человеку** — «на тебя наложено ограничение из-за записи, которая, по другим твоим данным, устарела; вот в чём дело простыми словами».
4. **Запросил данные** — поднял, какая именно запись, в каком реестре, когда внесена, чем опровергается.
5. **Обратился к государственному агенту** — на общем языке, с указанием основания и приложением.
6. **Государственный агент объяснил норму** — на каком правиле держится ограничение и что формально нужно для его снятия.
7. **Гражданский агент проверил основания** — сверил норму с данными и нашёл противоречие: запись, на которой стоит ограничение, опровергается более свежими сведениями.
8. **Человек подтвердил действие** — «да, оспаривай и проси пересчёт». Без этого согласия агент дальше не идёт.

9. **Решение принято или оспорено** — ограничение снято автоматически по исправленным данным либо, если случай спорный, дело уходит к живому сотруднику.
10. **Все действия оставили след** — каждый шаг записан: кто, что, когда, на каком основании. По этому следу потом можно проверить и человека защитить, и систему поправить.

Вглядитесь, где в этой цепочке человек. Он не исчез и не превратился в зрителя. Он ставит цель в начале и подтверждает в той точке, где меняется его правовое положение. Всё остальное — наблюдение, перевод, сборку, проверку, спор на скорости системы — взял на себя агент. Это и есть ответ на вопрос, который чаще всего задают про агентное государство: «а что тогда делает человек?». Человек **решает**, а не **оформляет**. С него сняли не выбор — с него сняли беготню.

Права, на которых всё держится

Гражданский агент не висит в воздухе. Он опирается на права — частью уже существующие, частью те, которые эпохе ещё предстоит признать. Назову их по одному.

Право на объяснение — получить причину решения на понятном языке, не код, а смысл. Оно уже не вполне ново: европейский регламент о защите данных требует предоставлять человеку «осмысленную информацию о логике» автоматизированного решения, а статья 22 GDPR даёт право не подчиняться решению, принятому исключительно машиной, если оно существенно затрагивает человека. Строго говоря, слов «право на объяснение» в самом регламенте нет — это обобщение, выросшее из его статей, и юристы о его границах спорят. Но направление признано правом уже сегодня; без способности понять объяснение оно остаётся формальностью — а агент и есть инструмент, который делает его настоящим.

Право на человеческое решение — в значимых делах последнее слово остаётся за человеком, а не за алгоритмом.

Право на остановку — возможность сказать «стоп»: в мире, где решение принимается мгновенно, право остановить и пересчитать — это право не быть смятым темпом машины.

Право на пересчёт — потребовать перепроверки задевшего тебя решения: «посчитайте заново, и при мне».

И сквозные условия, без которых права мертвы: **согласие** на значимые шаги (агент действует по делегированию, а не по собственной воле) и **логи** — журнал действий, по которому видно, что именно агент делал от твоего имени.

Покажем на одном праве, как это работает вживую, — на праве на человеческое решение, потому что его легче всего выхолостить. Женщине отказывают в чём-то значимом — в опеке, в выплате по тяжёлой ситуации, в чём-то, что меняет жизнь, — и отказ вынес алгоритм. Право на человеческое решение означает не то, что какой-то сотрудник задним числом «проштампует» ма-

шинный вывод не глядя, — такой надзор фикция. Оно означает, что живой человек обязан посмотреть на её конкретный случай, выслушать то, чего нет в данных, и принять решение под свою ответственность. Гражданский агент здесь — тот, кто это право включает: он подсказывает женщине, что она вправе потребовать человека, готовит и предъявляет то, чего модель не учла, и доводит требование до того, кто обязан его исполнить. Без агента право остаётся строкой в законе, о которой человек не знает; с агентом оно становится действием. В этом и весь смысл связки: право даёт основание, агент даёт исполнение.

Эти права и есть то, что отличает гражданского агента от ещё одного приложения. Декларация прав без агента — карта без проводника. Агент без прав — проводник без карты. Работают они только вместе.

Если у государства есть агенты, у гражданина тоже должен быть агент. Человек не должен оставаться один на один с машиной государства.

Мы разобрали, кто действует с обеих сторон стола. Дальше — как именно государство делает первый шаг, не превращая заботу в опеку. Потому что «вести дело вместе с человеком» и «решать за человека, как ему жить» разделяет очень тонкая граница, и проходит она там, где начинается следующая глава.

Продолжение — в полной книге

«Агентное государство» — манифест новой модели государственного управления в эпоху искусственного интеллекта. Полная версия включает 9 частей и 43 главы: государство как операционная система, закон как живой сценарий, антимонополию на государственный разум, живую федерацию, AI-суверенитет и красные линии цифрового Левиафана.

Сайт проекта

agenticstate.institute

Telegram

Следите за выходом электронной версии и новыми материалами проекта.

Андрей Тихонов · 2026